

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-11-14

УДК323.396

**ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДВОЕННОСТИ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
КОНТРАСТНЫХ СЛУЧАЕВ**

Пустовойт Ю.А.

Почему, как и при каких условиях увеличиваются различия между нормативным и реальным поведением членов политической элиты? Через введение понятия «политическая раздвоенность» (расхождение между нормативными (легитимными, официальными, публичными) практиками политической элиты и теми взаимодействиями, которые не легитимны, не декларируются и построены на неформальных договоренностях), сопоставляются контрастные случаи, выдвигается и проверяется на историческом материале универсальная гипотеза, объясняющая причины роста и снижения дистанции. Опираясь на метод теоретической истории, автор приходит к выводу, что рост политической раздвоенности происходит в условиях отсутствия механизмов ограничения верховной власти и решения внутриэлитных конфликтов. Исторически сложившиеся традиционные формы управления, как самодержавие, демократический централизм, «вертикаль власти» в качестве такого механизма могут выступать только на короткий срок в периоды быстрой мобилизации ресурсов.

Ключевые слова: политическая раздвоенность; политическая элита; силовые, экономические и символические ресурсы; террор; коррупция.

**PHENOMENON OF POLITICAL DIVARICATION:
EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE-HISTORICAL ANALYSIS
OF CONTRAST CASES**

Pustovoit Y.A.

Why, how and under what conditions distinctions between the normative and the real behavior of members of political elite increase? Through the introduction of the concept "political divarication" (the divergence between normative (legitimate, official, public) practices of political elite and those interactions that aren't legitimate, aren't declared and are constructed on informal arrangements), contrast cases are compared, the universal hypothesis, explaining the reasons of increase and decrease in the distance, put forward and tested on the historical material. Relying on the method of theoretical history, the author comes to the conclusion that increase of political divarication happens in the conditions of absence of mechanisms of restriction of the sovereignty and the solutions of the intra-elite conflicts. Historically developed traditional forms of government as autocracy, the democratic centralism, "power vertical" can act as such mechanism only for short term during the periods of fast mobilization of resources.

Keywords: political divarication; political elite; coercive, economic and symbolical resources; terror; corruption.

Почему, при каких условиях, когда и как политик или чиновник, действующий в соответствии с нормативными стимулами, теряет свои конкурентные преимущества и уступает место «ловкому малому», поведение которого идет вразрез по отношению к заявленным официально политическим приоритетам? Руководитель, принимающий решения в духе господствующей идеологии и ориентированный на «букву закона», снимаемый с должности из-за того, что его активность лишает возможностей членов коррупционного клана

– ситуация узнаваемая, вне зависимости, идет речь о Российской империи, Советском Союзе или периоде становления суверенной демократии. В рамках этой статьи мы предложим эскиз перспективного, на наш взгляд, изучения проблем соотношения публичных деклараций и непубличных договоренностей, предложим систему оценок расхождения идеологических приоритетов и политической практики, проверим выдвинутые положения на историческом материале и обозначим комплекс условий, способствующих этому расхождению и результатам увеличения числа латентных конфликтов.

Исследование проводится методом теоретической истории, разработанным Н. С. Розовым, и представляет собой выдвижение и проверку на эмпирическом материале универсальной гипотезы, сформулированной в соответствии с требованиями К. Гемпеля, где на основе определения класса начальных условий, суждений с формой «если..., то», происходит выведение класса следствий [10, с. 464]. Предлагаем закрепить понятие «политическая раздвоенность» за расхождением между нормативными (легитимными, официальными, публичными) практиками политической элиты и теми взаимодействиями, которые не легитимны, не декларируются и построены на неформальных договоренностях. Определим политическую элиту, вслед за Р. Лахманом, как группу правителей, обладающих возможностями присвоения ресурсов неэлит и входящих в обособленный организационный аппарат [4, с. 32].

Для измерения дистанции политической раздвоенности необходимо ввести два критерия, действующих одновременно. Каждый из этих критериев по отдельности может быть следствием действия отдельных факторов, например, некомпетентности управления, ошибок планирования, отдельных нерегулярных случаев.

- Декларируемое – реализуемое (совпадение реализуемого с идеологическими приоритетами (конформизм) – несовпадение с идеологическими приоритетами).

- Нет признаков сложившегося скрытого сговора – есть признаки сложившегося скрытого сговора.

Основой декларированного поведения выступает идеологическая гегемония или способность властных структур добиваться подчинения без применения насилия. Именно идеология, согласно взглядам М. Манна, обеспечивает социальное единство через сакрализацию и введение монополии на смысл происходящего, нормы, мораль и эстетическую привлекательность [12]. Роберт Мертон, анализируя ситуацию конфликта между требуемыми культурой (в нашем случае, идеологией) предписаниями и индивидуальной реакцией на невозможность их осуществления, выделил пять типов возможных реакций – конформность, инновация, ритуализм, бегство, мятеж [5, с. 244].

Сговором в экономической науке называется ситуация, в которой два участника начинают координировать свои действия, нанося ущерб третьим лицам или уменьшая общий выигрыш всех участников игры. К.Титаев (ориентируясь на работы Жана Тироля) выделяет важнейшие черты сговора: добровольность для участников, требование повторяющихся взаимодействий, нанесение ущерба третьим лицам и, наконец, не явность, не проговоренность. В отличие от открытого сговора (который, например, в экономике напрямую запрещен антимонопольным законодательством) скрытый сговор не подразумевает открытой встречи участников для проведения скоординированных действий. Он возникает неочевидным образом в ходе однотипных поступков, дающих его участникам конкурентные преимущества. Ситуация сговора хотя не является продуктом сознательного решения, на уровне практик понятна каждому инсайдеру [11].

Приведем количественные и качественные характеристики изменения дистанции политической раздвоенности.

Выделим как нулевой уровень раздвоенности («0») дистанцию, представляющую собой скорее «идеальный тип», чем эмпирическую

реальность. Здесь отсутствуют расхождение между публичной и не публичной политической жизнью, отсутствует сговор.

Дистанция «1» – «политические инициативы заявлены и скорее реализуются, сговор отсутствует» – дистанция, близкая к «идеальному» типу. Для этой дистанции характерна идеологическая гегемония. Хотя существует комплекс проблем вокруг распределения материальных ресурсов, в целом, в обществе достигнут консенсус относительно декларируемых идеалов и путей их достижения. Сговор отсутствует, есть эффективные системы контроля, индивидуальная конкуренция институционализована, поддерживаются высокие профессиональные корпоративные требования.

Дистанция «2» – «конфликт инициатив, интенсивная конкуренция, формирование локальных внутриэлитных сговоров». На этом уровне происходит расхождение между целями и средствами. Идеологически оправданные цели еще значимы, но адекватность нормативных средств подвергается сомнению, что находит свое отражение в росте внутриэлитных конфликтов, распространении инновационного поведения и коррупционных скандалах.

Событием-маркером перехода на этот уровень служит публичное законодательное ограничение на обсуждение социально–политических проблем. Событием-маркером окончания этого уровня служит переход на негласный контроль политической активности.

Косвенными индикаторами этого уровня выступают следующие количественные характеристики: рост числа коррупционных скандалов, рост политической активности неэлитарных слоев населения, направленный против конкретных лиц или действий властей, рост неформальной активности в неполитической сфере, создание общественных организаций и ассоциаций, действующих в русле идеологически заданных рамок, но предлагающих альтернативные жизненные стили.

Дистанция «3» – «повседневная политическая, экономическая и социальная практика противоречит заявленным декларациям, присутствуют все признаки сговора» – дистанция, когда острота конфликтов спадает, и противоречия публично не проговариваются на всех властных и невластных уровнях. Для этого уровня характерно, что деятельность в соответствии с идеологическими приоритетами нерациональна и лишает конкурентных преимуществ.

Косвенными индикаторами этого уровня выступают следующие количественные характеристики: рост бюрократии, усложнение процедур документооборота и увеличение числа административных регламентов, рост пьянства и алкоголизма среди всех слоев населения, нарушения трудовой дисциплины и пассивные протестные мероприятия (прогулы, отлынивания, низкая трудовая активность), асоциальное поведение, рост эмиграции.

Снижение общих показателей социально-экономического развития государства (падение ВВП, снижение уровня конкурентоспособности товаров и услуг, технологическая отсталость и т.д.).

В рамках предложенных критериев рассмотрим изменения раздвоенности в период с начала правления Екатерины II до настоящего времени. На этом этапе исследования ограничимся не столько количественными, сколько качественными характеристиками исторических ситуаций и выдвинем некоторые гипотезы, объясняющие изменение дистанции.

В рамках предлагаемой концепции можно выделить три крупных полных исторических периода роста политической раздвоенности от дистанции «1» до дистанции «3» и один неполный (современный) период, где дистанция оценивается нами как «2». С определенной долей условности их можно обозначить как «просветительский» (1762 – 1854 годы), «модернизационный» (1856 – 1905 годы), «революционно – советский» (февраль 1917 – 1985 годы), «либеральный» (с 1991 года – по настоящее время). Каждый период заканчивался изменением положения страны в геополитической ситуации и

внутренним социально–экономическим кризисом. Основными кризисными событиями здесь служат: поражение в Крымской войне (1854 – 1856 годы), поражение в русско-японской и неудачи в Первой мировой войне (1905 – 1917 годы), провал войны в Афганистане, потеря геополитических позиций, как результат поражения в «холодной» войне и последующего распада СССР на отдельные государства (1985 – 1991 годы). Разумеется, в рамках каждого периода (в ряде случаев даже отдельного правления, например, Александра I) можно выделить отдельные периоды раздвоенности. В революционно–советском такими будут ленинско–сталинский и постсталинский, которые могут быть рассмотрены как вполне самостоятельные динамические циклы.

Дистанция «1» начинается от относительно свободного распространения идей просвещения в начале правления Екатерины II, свободного ввоза иностранной литературы, развития журналистики и книгоиздательства до ареста Радищева и Новикова в начале 90-х годов и введения жесткого цензурного указа 16 сентября 1796 года. Дистанция «2» (конфликт инициатив) охватывает периоды правления Павла I и Александра I и заканчивается в 1826 году созданием третьего отделения. Строгое отношение к иностранной литературе, особенно могущей нанести вред нравственности, с одновременным распространением в элитарных кругах иностранной моды на роскошь и гедонизм [7, с. 162, 217].

Следующий период обозначим как «модернизационный». Он начинается в 1856 году подготовкой великих реформ и заканчивается в декабре 1905 года началом долгого социально–политического кризиса, завершением которого станет Февральская революция. Идеология проекта – модернизация страны по образцу передовых в экономическом и социальном отношении стран. Выдвижение инициатив происходит с 1856 года по 1866 год. После выстрела Каракозова реформы начали потихоньку сворачиваться, их публичное обсуждение было фактически закончено. После 1881 года в стране окончательно был установлен патриотический политический режим, и

рискувшие допустить антиправительственные высказывания или участвовать в «несанкционированных» выступлениях попадали под негласный полицейский контроль без каких-либо судебных разбирательств.

Бегство от жизни в конце XIX века приобретает разнообразные формы. Рост эмиграции, то есть отказа обустроить свою жизнь согласно государственным правилам, действующим в Российской Империи, отмечается практически всеми исследователями, менее мобильные слои общества уходят в запой. Данные, приведенные в таблицах Б. Миронова, показывают, что траты на алкоголь на душу населения начинают расти с 1866 года [6, с. 566].

Кризис заканчивается событиями февраля 1917 года, когда ни один государственный институт и ни одна неформальная группа не предприняли каких-либо решительных действий в защиту самодержавия. Потаенные послания практически всех социальных групп оказались противоположным по знаку декларируемым.

В «советский» период, в котором можно выделить два цикла раздвоенности: «революционно–сталинский» и «постсталинский». В первом, начавшемся в феврале 1917 года революцией, одна из небольших партий через победу в гражданской войне, форсированную модернизацию и победу в Великой Отечественной утвердила свою идеологическую гегемонию. Второй период начался после смерти Сталина выбором нового идеологического направления и планирования комплекса мероприятий, должных обеспечить рост благосостояния советских граждан. В конце каждого цикла, лояльность, исполнительность и идеологическая дисциплина выступают в качестве неформальных регуляторов поведения, и система закрытых, ориентированных на конкретное лицо привилегий в качестве стимула. По мнению ряда исследователей (Г. Дерлугян, В. А. Козлов, Р. Г. Пихоя), консервативная стратегия, ключевыми элементами которой выступали сглаживание внутренних противоречий, индивидуальный конформизм, отказ от контроля над бюрократией, переход от политики репрессий к профилактике, дает

эффективные результаты – открытых конфликтов практически нет [1, с. 152 – 163], [3, с. 529], [8, с. 381]. Обратной стороной стабильности выступает рост аппарата (18 миллионов человек, 15% населения или 1 начальник на 7 работников), социальная и нравственная деградация населения (данные доклада Т. Заславской не оставляют на этот счет серьезных сомнений). Рост пьянства и алкоголизма среди всех социальных групп, сопоставим по объемам с 1910 годом и увеличился в 2 раза за десятилетие [2, с. 476].

С декабря 1991 года после распада СССР начинается новый, либеральный идеологический проект. Его воплощает в жизнь команда реформаторов во главе с первым президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным. Либеральный курс, в целом, был реализован в своей основе в соответствии с декларациями. Однако, цена реализации была достигнута за счет сворачивания социальных программ и падения уровня жизни большинства населения. После отставки Б. Ельцина и прихода к власти В. Путина «повестка дня» смещается в сторону усиления контроля над общественной жизнью. Политическая программа «нулевых» основывается на двух пунктах: усиление вертикали власти, соответственно, механизмов политического и административного управления страной и продолжение либеральных экономических реформ.

Сопоставим между собой «критические», полярные случаи. Для дистанции «1» (начало правления Екатерины II, Александра II, В. И. Ленина, Н. С. Хрущева, Б. Н. Ельцина) характерен следующий комплекс условий.

Сложная геополитическая ситуация: страна либо участвует в войне, либо проиграла войну, либо готовится к войне, есть риск снижения геополитического статуса. Сложная экономическая ситуация: в международном обмене страна соответствует статусу «периферия», есть технологическое отставание от стран «центра». Относительная культурная изоляция: культурные контакты ограничены небольшим слоем образованной элиты, образцы национального художественного творчества не представлены в странах, выступающих как «референты», «законодатели» культурного стиля, из них

заимствуются только те элементы культурной жизни и моды, которые служат больше в качестве демонстрации привилегированного статуса, но не как стимул для развития. Официальное политическое лидерство может быть оспорено, так как различные сегменты субэлит обладают определенной автономией и вполне сопоставимыми с официальной властью ресурсами.

Дистанция «3», напротив, характеризуется вполне благоприятной геополитической ситуацией, имперским статусом, относительным экономическим благополучием. Хотя периферийный экономический статус сохраняется, в некоторых, прежде всего, военных областях есть сопоставимые с развитыми странами технологии. Культурные связи контролируются властью, но существует вполне устойчивые творческие контакты. Сильная централизованная власть не допускает никакой оппозиции.

В рамках макроисторической динамики, предложенной Н. С. Розовым, высокая политическая раздвоенность соответствует фазам «Стагнации», низкая – «Авторитарному» откату или «Либерализации», то есть комплексам ситуаций, когда становится очевидным, что без нового идеологического проекта и привлечения к управлению новых социальных групп выход из кризиса невозможен [9, с. 236]. В этой же работе на основе закономерностей ментальной динамики детально показан механизм перехода от «авторитарного» отката к «стагнации». Если кратко, то расширение институтов принуждения при «авторитарном» откате приводит к росту элиты, с последующей ее эмансипацией (отрывом от верховной власти) и далее, в соответствии со структурно-демографической теорией Дж. Голдстоуна, приватизации ею государственных ресурсов [9, с. 259 – 264].

Считаем, что при росте политической раздвоенности действует тот же принцип «непреднамеренных следствий – институционального самоподрыва». Те механизмы и «нормативные» способы поведения, которые способствуют выходу из кризиса (централизация власти, дисциплина, принуждение), не способны обеспечить ее эффективную деятельность в «некризисных»

ситуациях, так как при естественном росте элиты нет внешних механизмов, упорядочивающих внутриэлитную конкуренцию и выступающих для нее в качестве контролера (принципала).

Универсальная гипотеза будет выглядеть следующим образом: политическая раздвоенность растет при условиях отсутствия принципала (социального субъекта, имеющего возможность контролировать и ограничивать верховную власть) и способности политической элиты вырабатывать единые консенсусные механизмы решения внутриэлитного конфликта. Самодержавие, демократический централизм, «вертикаль власти» (первое лицо, как живой закон) в качестве такого механизма могут выступать только на короткий срок в периоды быстрой мобилизации ресурсов.

Ориентируясь на исторические модели циклической динамики (А. Янов, А. Ахиезер, Р. Вишнеvский, С. Нефедов, В. Пастухов, Ю. Пивоваров, Н. Розов и др.) цикл политической раздвоенности можно представить следующим образом. Верховная власть, находясь в некой кризисной ситуации (падение международного престижа, военное поражение и т. д.), провозглашает новый идеологический проект, который бы закреплял и усиливал ее легитимность. Если проект удачен, то после решения основных задач, распределения ресурсов, закрепления новых статусов и новой конфигурации властных отношений выясняются пределы его реализации. Становится более или менее понятно, насколько результаты деятельности соответствуют первоначальным ожиданиям, насколько интересы участников удовлетворены и вообще могут быть удовлетворены в рамках имеющихся средств. Это, в свою очередь, стимулирует критическое обращение к основам проекта и ставит под сомнение легитимность действующей власти. Здесь у верховной власти два варианта: либо создавать новые каналы взаимодействия и разрешения конфликтов, либо ограничиться репрессиями и принуждением. Показателем выбранной стратегии будет либо создание соответствующих переговорных институтов или расширение каналов публичной обратной связи, либо законодательное

запрещение обсуждения конфликтных проблем и усиление политических репрессий. Во втором случае, публичное пространство начинает сужаться, потаенное – расширяться [13]. Далее происходит рост индивидуального приспособления в формах ритуализма, бегства и бунта [6, с. 268 – 277]. Активные сторонники, способные к развитию и критическому переосмыслению действующего идеологического проекта, постепенно исчезают, что приводит в случае социально-политического кризиса к исчерпанию ресурсов легитимности верховной власти. Возникает ситуация, когда старые идеи никого уже больше не воодушевляют, их распространители не обладают необходимым культурным капиталом, а противники, напротив, приносят в публичную политику комплексы потаенных массовых интенций.

Список литературы

1. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: «Территория будущего», 2010. 560 с.
2. История России. XX век: 1939–2007. М.: Астрель: АСТ, 2009. 829 с.
3. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
4. Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010. 456 с.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
6. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
7. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: Территория будущего, 2011.
8. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.

9 Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.

10. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. 656 с.

11. Титаев К. Академический сговор. Отечественные записки № 2 (47), 2012. <http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor> (дата обращения 11.04. 2013).

12. Mann M. The sources of social power. A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge University Press, 1986.

13. Scott J. C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.

References

1. Derlug'jan G. *Adept Burd'e na Kavkaze: Jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspektive* [Adherent Bourdieu in the Caucasus: Sketches to the biography in mirosistemny prospect]. М.: «Territorija budushhego», 2010. 560 p.

2. *Istorija Rossii. XX vek: 1939–2007 of Russia. XX century: 1939–2007* [History of Russia. XX century: 1939–2007]. М.: Astrel': AST, 2009. 829 p.

3. Kozlov V. A. *Massovye besporjadki v SSSR pri Hrushheve i Brezhneve (1953 — nachalo 1980-h gg.)* [Mass riots in the USSR at Khrushchev and Brezhnev (1953 — the beginning of the 1980th)]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1999.

4. Lahman R. *Kapitalisty ponevole: Konflikt elit i jekonomicheskie preobrazovanija v Evrope rannego Novogo vremeni* [Capitalists in spite of themselves: Elite conflict and economic transitions in early modern europe]. М.: Territorija budushhego, 2010. 456 p.

5. Merton R. *Social'naja teorija i social'naja struktura* [Social theory and social structure]. М.: HRANITEL', 2006. 873 p.

6. Mironov B. N. *Blagosostojanie naselenija i revoljucii v imperskoj Rossii:*

HVIII nachalo XX veka[Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII beginning of the XX century]. M.: Novyj hronograf, 2010. 911 p.

7. Nefedov S. A. *Istorija Rossii. Faktornyj analiz* [History of Russia. Factorial analysis]. V 2 t. M.: Territorija budushhego, 2011.

8. Pihoja R. G. *Sovetskij Sojuz: istorija vlasti. 1945 – 1991*[The Soviet Union: power history. 1945 – 1991]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2000. 684 p.

9 Rozov N. S. *Koleja i pereval: makrosociologicheskie osnovanija strategij Rossii v XXI veke* [Track and pass: the macrosociological bases of strategy of Russia in the XXI century]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2011. 735 p.

10. Rozov N. S. *Filosofija i teorija istorii. Kn. 1. Prolegomeny* [Philosophy and theory of history. Book 1. Prolegomena]. M.: Logos, 2002. 656 p.

11. Titaev K. *Akademicheskij sgovor. Otechestvennye zapiski*, no 2 (47) (2012).
<http://www.strana-oz.ru/2012/2/akademicheskij-sgovor>

12. Mann M. The sources of social power. A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge University Press, 1986.

13. Scott J. C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Пустовойт Юрий Александрович, директор Центра практической социологии и психологии, к.полит.н., доцент

Сибирский государственный индустриальный университет

ул. Кирова, д.42, г. Новокузнецк, 654007, Россия

pustovoit1963@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pustovoit Yuri Aleksandrovich, Cand. of Polit. Sc., Asc. Prof., Director of the Center practice of sociology and psychology

Siberian State Industrial University

42, Kirova str., Novokuznetsk, 654007, Russia

pustovoit1963@gmail.com

Рецензент:

Макарычева Е.Б., к.и.н., доцент, Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета (НФИ КемГУ)